

НИНА САДУР СОМ-С-УСОМ (рассказ)

Нина Садур родилась в 1950 году. Драматург, прозаик. Ее пьесы ("Чудная баба", "Панночка", "Ехай" и др.) идут во многих театрах страны и за рубежом. Она опубликовала две книги прозы и книгу пьес.

Нина Садур - тонкий мастер штриха, интонации; мастер, способный вести и уводить читателя за пределы реального. В ее произведениях подсознательное, потустороннее легко и органично переплетается с сиюминутным и обыденным, и нашему взору открывается мир загадочный и завораживающий.

К.М.

"Через несколько дней дети вырастут, станут бить меня, горевать".
А.Денисенко

- Ишь, какой ты! - миловидно обиделась. "Раз-два!" - твердо постукала ручкой ножа. Костяной звук шел от головы его.

- Почему ты не спишь? - укоряла, склонялась над ним выпуклым лобиком. От нее шла прохлада, как от доктора. В белом халате она и не походила на продавца. Медсестричка такая.

Сама молодая, она произвольно потянулась к нему, молодому, руки сами его выбрали - прикоснуться. Из симпатии к ровесникам, из негласного союза юности, которая не может от старости, даже прикосновений ее не выносит, прячась в свежую прохладу хрустящего халата.

Сом бился на весах. Он понимал, что эти руки с колючими пальчиками его немножко ласкают, оглаживают, пробуют успокоить. Но ныло внутри, в бледной, не нашей крови, в том месте, где нет души у усатых тварей, тем более у подводных, там, в надбрюшье, между хрящей - болело и плакало: он догадался, что куда-то отправится он один-одинешенек, не своей волей - тправится сом-с-усом. А нечаянная подружка - ускользнет, как-то она его выдаст после всех своих приободряющих пошлепываний и поглаживаний, закричит страшно-хищно и вонзится. И сразу все эти склонятся над ним, как склонялись бывало над прудом свысока, из синего смелого света, виднелись пятнышками лиц, а он из ила, из приятного сонного сумрака слал им ответные взоры твари подводной. Тогда они были равны - они и он, все живые, и с любопытством друг друга разглядывали. Но сейчас что-то случилось, и он бился и вздрагивал, от смертельной тоски научившись понимать, что они все живут быстро-быстро, и от этой скорости он, толстый и задумчивый, погибнет, не успеет за ними. Поэтому надо биться изо всех сил - может быть удастся свалиться в прохладный родимый сумрак подводья из их грубого света.

Сом бился сильно. Соскальзывал с весов, гонял стрелки, взвешиваться не хотел. Очередь в сомнении была - еда ли он?

Сом был самец. Девушка была - продавец. Она - ладошки лодочкой, нежно, но решительно сдавливала его бока, непривычное тепло шло к нему, довольно приятное, он на миг замирал - послушать, а она наклонялась над ним лицом неясным, светловатым и шептала, чтоб не трепыхался, дался взвеситься. Она думала - если я с ним буду ласково, он очаруется и подчинится. Замерзшие пальцы соскальзывали, вдавливались в бока маникюром. "Ну-ну, ну вот сейчас!"

Молодой, ловкий, не такой бледнобрюхий, как другие сомы, развалянные, приготовившиеся умереть, он ей был симпатичен тем, что боролся, бунтовал, дрался за себя.

А когда, поборов, закатала его в бумагу, разочаровалась в нем, перестала с ним разговаривать - стал продукт.

Очередь расслабилась - поскорее забыть беспокойного. Но вдруг занервничал крупнокостный шофер молодой: "Мне тяжелый КамАЗ перегонять за Уральский Хребет. Двое суток не спать. В лютом мраке безлюдья держись, шофер, крепись, шофер, ты ветру и солнцу брат", сломаюсь, встану - жду коллегу-шофера на подмогу: вместе наклонимся над горячей мордой мотора, искать поломку... Но пока он почует беду мою, пока он примчится на помощь по пустынной дороге. Можно взвять - только радио шепчет, а ты жги костерок. Кое-как сам починился, поехал, гони за Уральский Хребет. А Уральский Хребет, ребята, это самое страшное - там из земли, из разломов исходят особые токи, чтобы ты истомился, изныл и упал, обессилел, прямо лицом на кремнистый шершавый Уральский Хребет. Я там выжимаю

за 200. Только искры визжат под колесами. Все равно приезжаю - весь в слезах".

- Если я его в кабину положу, он не умрет?

- Что вы, сом даже переползает, если высохнет водоем. Он 10 часов на воздухе может, просто замрет в своей коже, уйдет в себя. Будет думать про родную воду.

- Мне за Уральский Хребет, он дотянет, дотерпит, я его в кабину положу, будет мне товарищ в дороге, во мраке. Всякие мысли лезут - даже не веришь, что твоя голова. Дышишь грудью, высокая ночь вокруг, человека как будто и не было в мире, только радио шепчет, что был; я не верю, баранку кручу, лбом в лобовое стекло, встречный ветер нас хочет смести, затопить темнотой, мы не сдаемся: я и лобовое стекло, бурием крутолобо мрак густой; захлебнуться - гуще воды, нам нельзя, мы дышим воздухом, я и мой друг, мой дружок, Сом Иваныч, Сема, друган мой, двоюродный брат и племянник, я его взял с собой в рейс - Москву показать. Замкнулся в себе: "Дядь Паш, давай перевалим обратно - за Уральский Хребет! Я в техникум стану поступать, остепенюсь после армии, здесь я - умру через десять минут, нечем дышать! Одни слезы от этой черной московской земли". Совсем плохой, еле дышит, надо успеть. Не сломаться бы по дороге...

Вот такое рассказывал сибиряк, робко оглядывая сомов, который из них встретится взглядом с ним, незаметно кивнет: мол, поедем с тобою в кабине. За Уральский Хребет.

А один юноша терся в очереди просто так, поглазеть. Рыбный прилавок его привлекал живыми продуктами, в то время как на остальных прилавках снедь не шевелилась. Ничего не покупая, он проводил свое время в наблюдениях, иронично кривя красный рот. Юноша досмотрел бы про молодого шофера, сибирскую деревенщину широкоскулую, но молодого сома (того, в бумаге) уже уносила одна молодая женщина в вытертой шубке, а юноше остро хотелось узнать, что будет с сомом в бумаге, и он выбежал из магазина, не забыв обидно засмеяться в лицо всей очереди.

Поскрипывая сбоку, он аленьким дыханьем жег щеку незнакомке. Та искренне не замечала, и тогда он ее обличил:

- У вас живое в сумке!

Женщина обрадовалась разговору и сама все рассказала; лаская его узкое лицо шелковистыми своими глазами.

- Это рыба. Она уснет, пока я дойду. Я ее запеку в духовке.

Юноша, чуть торопясь, сказал, что он Аркадий, а рыба не уснет, и он может помочь убить. Женщина в свою очередь сообщила, что она Светлана Юрьевна, и приняла помощь убийцы. Она спросила, есть ли у него еще какие-нибудь дела, он взял, сказал, что есть, но он их потом переделает. Но женщина разволновалась, задышала, стала просить его не идти с ней, наконец, встала совсем, наотрез отказалась, а он вырвал сумку у нее из рук, сказал, что это его личное дело - дела его, а она, если что обещал, то сдержит и назад своего слова не возьмет. Всю дорогу он потряхивал сумку, он боялся, что сом уснет сам. В сумке старались не шевелиться.

Один раз сели отдохнуть на скамейку, сумку Аркадий подчеркнул поставил между собою и женщиной. Вглядывались в путаницу ветвей: тревожила блестящая между ними черная вода пруда. В сумке затаились, почуяв тяжелый запах стоячей воды...

...Если б сейчас забыли про сумку, заговорились, увлеклись друг другом, смеясь, конфузясь, играясь, убежали б совсем. В кафе.

...А сумка была открыта, и сом смог бы разворошить бумагу, высунуть тупорылую морду, повести дрогнувшим усом и перевалиться через край, сильной тушей опрокинув сумку. Он бы дополз, царапая бледное брюхо о стекла и мусор покатых дорожек, он бы перевалил через бордюр и плюхнулся в воду, и ушел бы на дно, поранясь о ржавый край жестянки, торчащей из ила, он бы сам закопался в ил. Прежде всего крепко выспаться, пошевеливая усами от беглых сквознячков и навеки забыть этот смертный страх света-воздуха. Невыносимо.

...Сидели недолго. Пришли на второй этаж темного дома. В сыром, затхлом подъезде больно и громко застучало сердце у юноши. А потом Светлана Юрьевна открыла дверь и пришла в кухню, а там уже включили свет. Окно в кухне было настежь распахнуто, и в него тянуло тем самым запахом черной воды, хотя пруд был довольно далеко. Юноша разозлился на этот запах, но попросить закрыть окно - не посмел.

На свет вышел из недр квартиры белолицый, как будто в начале водянки, мужчина с масляной

головой. Он был в тренировочных шароварах и бледной кофте на пуговицах. Он жмурился, будто свет ослепил его.

Юноша ошетинился, звонок стал говорить про философию и что в МГУ принципиально не поступает, чтоб не сбить ход мыслей. Супруг растерялся - он был простой инженер-плановик. Он робко гладил жену по спине, будто заглаживал ушибы, дрожащие улыбки слал юноше. А тот разглядел, что миловидная жена этого утопленника немного косит. Поэтому взгляд ее и казался скользким и шелковым. Юноша кривил тонкое лицо в неясной насмешке, принципиально смотрел поверх их голов, и подбородок его почти не дергался. А развернутый сом крупно дрожал на столе. Из окна к нему долетал запах воды.

А когда возбужденные от встречи улеглось, и все подошли к нему, от этого он задрожал так сильно, что упало и разбилось блюдце.

Не знали, что делать. Топтались на расстоянии от стола. Сом жил и жил, спать не хотел. Тыкали ножом, нож соскальзывал, мышцы дергались судорогами - не пускали в себя нож. Тогда юноша попросил спицу, чтобы вонзить в нервный центр (когда-то он работал санитаром в больнице). Он подумал про запах воды, которая придает сил этой твари, но опять не осмелился попросить, чтоб закрыли окно. Спица скользила. Тогда юноша грудью налег на нее. Получилось: металлический прут дуострый от нажима вошел. Задача была: вогнать прут в плоть. Получилось. Прут вошел и в грудь и в сома. В сома навеки, а в меня ненадолго. Сом вскрикнул, выдохнул и обмяк; я же свой укол - промолчал.

Сом вскрыли, обмыли, а я тайно ушел, как будто по нужде, а сам внезапно свернул в ванную. Там, перед зеркалом (даже не потрогав красивые, пыльные флаконы) я свитер задрал и ранку свою послонил.

Сом был хорош в соку. Хороши были шкварки на противне, а тучное белое мясо распозалось, как тесто. Наелись. Сом питается падалью и живет триста лет.

- Мама моя была сумасшедшая, - рассказывал сытый, красные губы лоснились. - Мне она говорила, что человек длинней своей жизни. Не после смерти длинней, а сейчас, пока жив, своей жизни - длинней. Как, например, ветер в какой-нибудь глухой степи длинней времени, закрученно тикающего в железной коробке часов марки "Слава". Она говорила, что помнит меня маленьким, в байковых штаниках, и свою жизнерадостную молодость с библиотечными книжками. Постепенно мы с ней разошлись. "Стала я некрасивая, ожиревшая, заворот мозгов, сосуды полопались, обожаю селедку, варенье, я тебе, молодому, несытому, до ужаса неприятна. Ты стыдишься, прячешь меня за занавеской, когда приходят твои товарищи".

Трогать себя я ей запретил. Я тосковал, что не работаю больше санитаром в больнице. Питались мы плохо. Ее инвалидная пенсия, да я соберу - сдам бутылки. Постепенно она совсем забыла, что я ее сын, бормотала, умильно глядела вперед, бледные глаза сияли, с кем-то она говорила все время. Умерла в больнице, из морга я ее не забрал - не на что было похоронить.

Юноша нагнал сумерек. Вечер надвинулся. Муж и жена жались друг к другу. Сомий скелет белел на жирном противне. Где-то напевала женщина. Все трое удивленно прислушивались. Снег за окном отталкивал темноту, лилово взблескивал. Супруги поглядывали на юношу вопросительно. Муж покашлял и фальшиво спросил:

- Светочка, тебе, кажется, пора уже спать? Она не посмела ответить.

А он не уходил, накапливал в себе злость. Ранка на груди его подсыхала, прилипала к свитеру. Наконец, он решил, молча встал и пошел, не оглядываясь, никто не посмел проводить его до дверей. Уходя, он оставил дверь открытой, чтобы сквозняк из нее сшибся с ветром из кухонного окна, которое так и не закрыли.

На улице оглянулся, задрал голову, чтобы обидно засмеяться красными губами на их слепые стекла.

Прохладный ветер приятно холодило горящие щеки.